

А. И. Кузнецова
(г. Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена анализу глаголов движения в русском языке. Глаголы движения рассматриваются с точки зрения семантических процессов, которым подвергались эти слова на протяжении XI—XX вв. При выяснении вопроса об изменении значений слов, естественно, нас должно интересоваться, существует ли семантическая закономерность. Если да, то в чем причина ее? Решение этой проблемы, как нам кажется, следует искать в существовании в языке лексико-семантических систем, которые влияют на смысловое развитие отдельных своих членов. Изучая конкретные лексико-семантические группы, можно установить, в чем состоит сходство семантических процессов, как происходит взаимовлияние слов, каковы основные типы регулярных семантических изменений.

Группа глаголов движения представляет собой сплоченную лексико-семантическую систему, внутри которой в силу этой большой сплоченности происходят семантические изменения, носящие во многом регулярный характер. Регулярность семантических процессов обнаруживается, в частности, в распространении лексико-семантических вариантов¹ какого-либо одного глагола на другие глаголы этой же группы, в развитии цепочкой сходных лексико-семантических вариантов у разных слов. Тип цепного развития сходных лексико-семантических вариантов сразу у нескольких глаголов движения является наиболее законченным, продуктивным и широким по охвату слов типом, в

¹ Под лексико-семантическим вариантом слова понимается его потенциальная способность сочетаться с определенным кругом других слов.

связи с чем мы и остановимся на нем подробнее.

I. Развитие цепочки лексико-семантических вариантов у новых глаголов движения, как правило, — процесс длительный; он охватывает много веков, втягивая часто в свою орбиту все больше и больше слов из данной группы. Цепь может быть очень короткой (из 2—3 глаголов), а иногда сильно развернутой. Например, лексико-семантический вариант «проходить, тянуться (о времени)» отмечен в XI—XIV вв. (условно назовем I период) у глаголов *минуть* — *миновать*²; в эпоху XV — начала XVIII в. (II период) он распространился на глагол *идти*, связанный с парой *минуть* — *миновать* при помощи других общих вариантов, а затем — на глаголы *шестьвовать*, *течь* и *бежать*³ (в последнем слове — с подразумеванием огромной быстротечности времени):

пусто есть место и година уже мину... (Остромирово ев.).
дни *идуть* студены, избы студены (Памятники дипломатических сношений России со Швецией, 1569 г.).
день *зде бежит* скорей птицы... (Письма и бумаги императора Петра Великого).
а время *твое течет* аки речная быстрость (Слово и поучение против язычников, XVI в.).
Временем *ж шествующим*, Египтяном⁴ ражаше волъ (Временник Георгия Амартола, 1456 г.).

В период XIX—XX вв. (III период) этот вариант перекинулся и на глагол *лететь*, сохранившись во всех предыдущих словах, кроме глагола *шестьвовать* (впрочем, первые при-

² Для всех веков дается современная грамматическая форма.

³ Обычно бывает трудно определить временную последовательность охвата тем или иным вариантом новых глаголов. В таком случае приходится лишь констатировать взаимосвязанность одним вариантом нескольких слов, возникшую в конкретную историческую эпоху в результате развития цепочкой.

меры встречаются еще в XVIII в., и не только на глагол *лететь*, но и *летать*):

Дни так *летают*, что напрасно будешь ждать себе их возврата (Кантемир, Сатира VI).
Девочки-то годы *летят* скоро! (Мамин-Сибиряк, Человек с прошлым).

Данный вариант развился лишь у определенной основы⁴ во всех глаголах, кроме первоначального обладателя, — глаголов *минуть* — *миновать*. Весь ряд сохранился и по сей день. В XX в. наблюдается тенденция дальнейшего удлинения цепи связанных этим вариантом глаголов. Так, в применении ко времени встречается глагол *ползти*, *плыть*, *брести*, *скакать* и даже *лезть*:

Доселе в рязовсти беспечной *брели* по розам дни мои (Пушкин, Послание к Юдину).

Так все и *ползло* и *лезло* скучное время (Лесков, Обойденные).
И быстро *плыли* месяца, слагались годы (М. Горький, Дело Артамоновых).
Скачут минуты среди забот и дел (Лебедев-Кумач, Пиши! Не забывай!).

Цепочка, начавшаяся в XI—XIV вв., иногда может получить дальнейшее развитие спустя большой промежуток времени. Так, лексико-семантический вариант «двигаться по воздуху (о птицах)» присущ глаголам *лететь* — *летать* и *парить* с XI в. В период XIX—XX вв. этот вариант у глагола *парить* слегка варьировался: он стал означать «летать определенным образом — распластав крылья». В таком виде он и распространился в III период на глагол *плавать*:

птицамъ по аеру не лъзе бо *летати* (Лаврентьевская летопись 6731 г., 1377 г.).
птица по земли же ходить, а по въздуху *парять* (Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе И. екзарха Болгарского, XII в.).
Он не *летает*, как прочие птицы, а *парит*, либо *ширяет* (С.Щедрин, Орел-мещенат).
Коршуны высоко *плавают* в небе (Данилевский, Беглые в Новороссии).

Немало глагольных цепочек зарождается у нас на глазах. Для

⁴ Большинство глаголов движения представляет собой парные основы несовершенного вида — определенную и неопределенную.

них характерен, с одной стороны, узкий охват слов, с другой стороны, обычно большое число окказиональных случаев употребления новых глаголов в том или ином уже сложившемся варианте. Например, вариант «разваливаться, разлезаться (о гнилой материи)» — в нем взаимозаменяются глаголы *лезть* и *ползти*, причем трудно сказать, какой из этих глаголов можно назвать родоначальником цепочки:

Ишь ты, и шинелишка-то вся *ползет*, развалится скоро на тебе (А. Н. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын).

Гнилая кожа *лезет*, расплзается, как грязь (Вс. Иванов, Возвращение Будды).

Глаголы *бегать* — *блуждать* — *бродить* — *рыскать* имеют общий вариант «переходить с предмета на предмет (о глазах)»:

Живые большие глаза его так и *бегали* (Пушкин, Капитанская дочка).
Глаза Якова *блуждали* в синеве небес (Горький, Трое).
Глаза ее стали *рыскать* кругом (Боборыкин, Перевал).
Райский рассеянно *бродил* глазами по всей комнате (Гончаров, Обрыв).

Индивидуальные случаи засвидетельствованы для глаголов *ползать* — *скакать* — *плавать* — *переть*:

С заученным неотрывным вождением впились в вошедшего, *ползали* за ним глаза (Малышкин, Севастополь).
Глаза *горят* и *скачут* (А. Н. Островский, Дм. Самозванец и Вас. Шуйский).
Добродушная фигура Хины, *плавающего глазами* по потолку и стенам зальца (Златовратский, Дедовское гнездо).
Андрей Ильич *прет* в толпу черными глазами (Левитов, Крым).

Такова же судьба лексико-семантического варианта кажущегося движения предметов, мимо которых человек сам быстро движется. Он охватил глаголы *идти* — *бежать* — *плыть* — *лететь* и (индивидуальный случай) *брести*:

Весь день в тумане заоконном *шли* степи, маревом клубясь (Антокольский).
И, наконец, встречный лесок, такой неотвязчивый, долго и вприпрыжку *бежал* наперегонки с машиной (Леонов, Русский лес).

Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам *летяшь*, и все *летит*: *летят* версты, *летят* навстречу купцы на облучках своих кибиток, *летит* с обеих сторон лес, *летит* вся дорога

нивесть куда в пропадающую даль; ...летит мимо все, что ни есть на земле (Гоголь, Мертвые души).

Ему начинает казаться, что он стоит на месте, а мимо *плывет* дорога (Горбатов, Ал. Гайдаш).

(Вид с поезда в пути.) Деревья *брели*, как новобранцы, отставшие от армии (Катанев, Время, вперед!).

В большинстве разобранных случаев мы имеем дело с цепочкой, планомерно наращающей все новые звенья в дополнение к сохраняющимся старым. Но нередко отдельные звенья прошлых веков могут выпадать, как в варианте «проходить (о времени)», хотя цепочка продолжает вовлекать в свой ряд все новые глаголы.

Возьмем вариант «течь, литься», первоначально семантически связывавший глаголы *идти* — *течь* (XI—XIV вв.). Во II период он отмечался и у глаголов *грясти*, *шестьвовать*, *бежать*. В современном русском языке он уже утерян глаголом *шестьвовать*, но сохранился у глаголов *идти* — *бежать* — *течь*:

вода святая отъ язвъ гвоздиныхъ отъ ногу его *идеть* (Странник Стефана Новгородца, 1347 г.).

Река *идет*, как *шла*. Только люди немножко стали другие (Лидин, Большая река). изъ обою очию яко слезы *течаху*... (Новгородская I летопись 6847 г., XIII—XIV вв.).

Вода *бежитъ* изъ болота (Русско-шведские дела, 1634—1648 гг.).

Река *бежит* весело, шая и играя (Гончаров, Обрыв).

Данный вариант, возможно, разовьется в дальнейшем у слов *плыть* — *ползти* — *бродить* — *лететь*, на которые сейчас можно найти лишь индивидуальные примеры употребления:

Река Исеть *плыла* здесь широким плесом (Мамин-Сибиряк, Летные).

Черная река *ползет* мимо нас (Горький, Мои университеты).

Это и была чаша с золотым дном, по которой с шумом *летела* горная речонка (Мамин-Сибиряк, Человек с прошлым).

В роще сумрачной, тенистой, светлый *бродит* ручеек (Пушкин, Блаженство).

Очень интересна судьба цепочки из глаголов *блудить* — *блуждать* — *плавать* — *бырять*, которые в I период связывал общий вариант «скитаться».

не *блудилъ* ли бехъ по чюжимъ землямъ, именья лишенъ быхъ? (Лаврентьевская летопись 6586 г., 1377 г.).

снве Иилве *бырають* по пустыни (Временник Георгия Амартола, 1456 г.).

время бо неколико въне плавае... (Изборник Святослава, 1076 г.).

К началу II периода данный вариант исчез у глагола *плавать*, а вскоре из языка ушел совсем глагол *бырати*. Однако цепочка не прервалась: вариант «скитаться» развился в XV—XVIII вв. у глаголов *брести* — *бродить*. В таком виде (глаголы *блуждать* и *бродить* — *брести*) она сохранилась вплоть до XX в.:

именити разбойници в местехъ, идеже *бродили*, тамо и повешени будутъ (Книги законные, XV в.).

И я пойду, пойду опять, пойду *бродить* в густых лесах, степной дорожкой *блуждать*, толкаться в шумных городах (Полонский, Узник).

Иногда цепочки из глаголов с общими лексико-семантическими вариантами, особенно зародившиеся много веков назад, могут разрушаться, исчезать буквально на наших глазах. Так, можно сказать, что цепь глаголов *идти* — *ходить* — *грясти* — *шестьвовать* — *течь* — *ступать*, означающая на протяжении I и II периодов «жить», в III период прервалась. Во всяком случае, в указанных глаголах, если и встречается этот вариант, то как фиксированный (типа «*ходить* под богом»), а точнее, он исчез совсем.

възшиши кымъ путьмъ *идоши* и кою стъзю *текоша* (Изборник Святослава 1076 г.).

правымъ путемъ *ступаетъ* и въ беструдное пристанище Хво доходить (Пандект Антиоха, XI в.).

радостью *шестьвовать* ты узкую стъзю пощения (Четья Миняя 1097 г.).

въсеми ли убо *грясти* или овеми путемъ *снхъ*? (XIII слов Григория Назанзинна, XI в.).

ходите въ любви (Пандект Антиоха, XI в.).

Пример с вариантом «жить» — яркое свидетельство того, что сходные лексико-семантические варианты могут не только возникать у новых глаголов движения, но и исчезать так же «организованно», т. е. тоже цепочкой.

Когда речь шла о варианте «течь», говорилось, что отдельные звенья

цепи выпали — при этом пропал данный вариант не у одного глагола *шестьвовать*; он потянул за собой и глагол *грясти*. То же произошло и в цепочке, означающей «скитаться»: из нее выпали глаголы *плавать* и *бырять*.

У глагола *лезть* во II период появляется в результате действия цепного развития вариант «переходить реку вброд», который является исконным для глагола *бродить*:

мне ли поведаеши смърть от воды, умеюшу *бродити* посреде ея (Послание Поликарпа игумену Акиндину о киево-печерских подвижниках, XII—XIII вв.).

лазят татаровя выше Тулы верст с 6 реку Шат... (Книга Большому чертежу, 1627 г.).

многие люди... хотять... Донъ *лезть* подъ Азовомъ (Акты Московского государства XVII в.).

Однако этот вариант недолго удержался у глагола *лезть*: к III периоду он уже выпал из его смысловой системы. Это исчезновение повлекло за собой вымирание данного варианта и у глагола *бродить*, который можно встретить теперь лишь поговорам.

При изучении процессов развития цепочкой в глаза бросается интересная деталь: закономерностям такого развития подчиняются не только уже сложившиеся лексико-семантические варианты различных глаголов, но и индивидуальные употребления слов, на которые можно натолкнуться в творчестве многих писателей XIX—XX вв. Например, в применении к ветру используются глаголы *блуждать*, *рыскать*, *лететь* — *летать*, *ходить*, *бродить*, *бежать* и *течь*. Во всех случаях мы имеем дело не со сложившимися лексико-семантическими вариантами каждого из этих семи глаголов, а с его индивидуальными употреблениями:

По улице *летел* сырой ветер (Горький, В людях).

Из двери в дверь во мгле ночей *блуждает* ветер освобожденный (Лермонтов, Демон).

Ветер *рыщет* по полю и гонит снег (Решетников, Подлиповцы).

Знойный, удушливый ветер *бродил* лениво по озерам (Слепцов, Трудное время).

Ветер *тек* широкой, ровной волной (Горький, Старуха Изергиль).

Ветер *бежит* во ржи (Леонов, Барсуки).

Легкий ветерок приподнимает аромат в саду и *ходит* в огромной, некошеной траве, *ходит* вольно и скромно (Помяловский, Мещанское счастье).

Встречаются авторские употребления глаголов *ползти* — *течь* — *плыть* в сочетании с существительными, обозначающими различные звуковые и обонятельные явления и передающие смысл «доноситься (о звуках, запахах)». Аналогично употребление глаголов *брести*, *ползти*, *лазить*, *ходить*, *течь* в смысле «реять в воздухе». Однако чаще встречаются общие лексико-семантические варианты, распространяющиеся и на авторские употребления отдельных глаголов, которые могут со временем стать вариантами (см. предшествующие примеры).

II. Помимо развития цепочкой, смысловые сдвиги в глаголах движения могли происходить по типу так называемой «передачи эстафеты», когда один глагол теряет какой-либо лексико-семантический вариант, а другой, связанный с ним некоторыми общими вариантами, подхватывает его. При этом период существования глагола, теряющего свой вариант, с глаголом, воспринимающим его, обычно не поддается учету. Вполне вероятно, что сначала происходит распространение варианта с одного глагола на другой цепочкой, а затем первый элемент этой цепочки исчезает, очень малый срок просуществовав одновременно с глаголом, воспринимающим новый вариант, т. е. в этом случае ничего принципиально нового по сравнению с развитием цепочкой нет. Однако в отличие от развития цепочкой, когда глаголы со сходным вариантом могут долгое время быть в языке одновременно, данный случай стоит выделить в особую категорию. Приведем несколько примеров на развитие по методу «передача эстафеты».

Например, у глагола *ползти* во II период был вариант «выпадать (о волосах)»:

бе бо и нутреними врежень, и кровь испущаа и власомъ *ползнувшемъ* (Житие

преподобного Федора игумена Сикейского монастыря, из Миней Четвы апрельской, XVI в.).

В III период глагол *ползти* лишается этого варианта, который переходит к глаголу *лезть* и *течь* (специальная литература). В этом последнем случае развитие идет цепочкой:

Волосы [у Обломова] стали немилосердно *лезть* (Гончаров, Обломов).

Волос из нее начинает *лезть*, или, как говорят, *течь* (Квятковский, Съемка, правка и выхаживание пушных шкур).

У глагола *ползти* утрачивается вариант «таять», но его постепенно получают глаголы *плыть* и *течь*, пока, правда, как авторское употребление:

медь от огня яко смола *ползущь* (Ипатьевская летопись 6767 г., 1425 г.).

Снег тает и *плывет* без солнца, сырость страшная (А. Н. Островский, Письмо Бурдину Ф. А.).

На столбике перил стояла сальная свечка и *текла* от ветра (Л. Толстой, Война и мир).

III. Наконец, отметим третий вид смысловых изменений. Они могут происходить в результате борьбы нескольких глаголов, которая ведет обычно к передаче одним глаголом другому того или иного варианта, т. е. какой-то промежуток времени один и тот же вариант сосуществует у обоих глаголов, а потом исчезает у одного из них. Естественно, что этот тип изменений взаимосвязан с двумя предыдущими. Однако проследить подобного рода «борьбу за существование» можно лишь на единичных примерах.

Так, в XV—XVIII вв. с глаголов *бежать* — *бегать* распространился

на глаголы *брести* — *бродить* по закону развития цепочкой слов одной лексико-семантической группы вариант «уходить, убежать»:

и устрьмися стадо по берегу въ озеро и истопе видевъше же пасушей бывъшее *бежаша* (Остромирово ев.).

а изъ волостей крестьяне *бредуть* врознь за своею скудостью и отъ хлебного недороду (Акты Холмогорской и Устюжской епархий, 1686 г.).

Дальше цепочка не развилась, а в результате борьбы данный вариант исчез у глагола *брести*, оставшись за глаголами *бежать* — *бегать*, как это было и до II периода.

Итак, лексико-семантические варианты слов одной лексической группы на протяжении исторического существования языка подвержены довольно большим смысловым изменениям. У нескольких глаголов могли возникать общие варианты там, где ранее их не было, и, наоборот, могли разрушаться там, где они ранее существовали. Эти семантические изменения закономерны, и их можно сгруппировать в три типа:

1) развитие цепочкой, проявляющееся как в появлении, так и в исчезновении сходных лексико-семантических вариантов целого ряда слов одной лексической группы;

2) развитие по типу «передача эстафеты»;

3) развитие методом борьбы.

Семантические закономерности, существующие в языке, обусловлены лексико-семантической системой, которая регулирует смысловое изменение каждого слова, придавая развитию всех глаголов общую направленность.

И. Коут
(Чехословакия)

ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из особенностей славянских и балтийских языков является то, что винительный падеж объекта в предложениях без отрицания часто заменяется в отрицательных предложениях дополнением в родительном падеже — родительным отрицания. Здесь, как известно, различаются случаи, когда родительный отрицания зависит от глагола или предикативного слова с отрицанием прямо (*не читаю романов*), и случаи, когда он зависит от отрицания не прямо (*не люблю читать романов*). В этой статье рассматриваются только случаи первого типа.

Вопрос об употреблении обоих падежей в русском языке решался лингвистами уже со времен Ломоносова¹. Специально этим вопросом занимался А. И. Томсон, работы которого содержат ценные указания насчет семантики конструкций с винительным и родительным падежом². В последние годы появилось несколько новых работ по интересующему нас вопросу³. Однако исчерпывающего освещения вопрос не получил до сих пор.

¹ См. об этом в статье Л. А. Дерibas «Прямое дополнение при переходном глаголе с отрицанием», «Русский язык в школе», 1956, № 2.

² Самая важная из них — «Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке», «Русский филологический вестник», XLIX, 1903, стр. 192—234.

³ Д. И. Буторин, Винительный и родительный падежи прямого объекта в русском литературном языке XIX—XX веков. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1953; указ. работа Л. А. Дерibas; T. F. M a g n e r, Negation and Case Selection in Russian, журн. «Word», 11, 1955, № 4 — Slavic Word, стр. 531—541; L. U g l i t s k y, Accusative and Genitive with Transitive Verbs preceded by a Negative in Contemporary Russian, журн. «The Slavonic and East European Review», 34, 1956, стр. 377—387.

Настоящая статья в основном построена на нашей работе «Родительный отрицания в русском и чешском языках»⁴. В ней анализируется материал писателей XIX и XX вв. При использовании примеров, прежде всего из дореволюционного времени, мы учитывали тот факт, что на употребление родительного падежа влияла теория. Как известно, почти во всех дореволюционных грамматиках употребление родительного при переходном глаголе с отрицанием считалось обязательным (см., например, работы Ломоносова, Греча, Кудрявского и др., а также школьные грамматик). Появление винительного падежа считалось, по А. Томсону, «случайным отступлением от общего порядка или даже неправильностью»⁵.

Академическая «Грамматика русского языка» (т. II, часть первая, стр. 123) исходит из того, что употребление родительного падежа является в современном русском литературном языке общим правилом. Правда, тут же отмечается, что «нередки случаи, когда и в словосочетаниях с отрицанием имя существительное употребляется в форме винительного падежа».

При формулировке правил мы должны учитывать тот факт, что имеем дело с явлением стилистического характера. Из этого следует, что эти правила не могут быть столь же категорическими, как правила чисто грамматические. В настоящей статье мы исходим из следующей оценки собранного материала:

1. Употребление только одного из двух падежей является нормой в том случае, когда исключений или

⁴ Genitiv záporovýv ruštině a češtině, журн. «Ruský jazyk», VI, 1956, стр. 440—450, и VII, 1957, стр. 13—24.

⁵ А. И. Томсон, указ. работа, стр. 206.